

Для цитирования: Фадеев, В. А. Сакральное измерение ценности: к постановке проблемы / В. А. Фадеев // Социум и власть. — 2024. — № 4 (102). — С. 10–16. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-10-16. — EDN OVQBMH.

УДК 303.4

EDN OVQBMH

DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-10-16

САКРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦЕННОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Фадеев Валерий Александрович,

Российский государственный
гуманитарный университет,
Институт наследия и современного общества,
научный руководитель,
Москва, Россия.
ORCID: 0009-0000-8927-1883
E-mail: iniso@rggu.ru

Аннотация

Статья посвящена обоснованию тезиса о необходимости вернуть социальные науки к исследованию сакрального. Отмечается особое значение ценностной проблематики для современной России: социально-политическое обращение к традиционным ценностям требует адекватного академического подкрепления. Разбираются непродуктивные установки социальных исследований, которые затрудняют обращение социологии к ценностной и религиозной проблематике: секуляристский и позитивистский дискурс. На примере фундаментальных исследований Р. Отто и Э. Дюркгейма обозначаются конструктивные примеры обращения к сакральному в науках об обществе. Ставится задача обеспечения баланса качественных и количественных методов исследований религии.

Ключевые слова:
сакральное,
ценности,
религия,
секуляризм,
социальные науки

Поступила: 18.10.2024

Принята: 05.12.2024

Дата печати: 30.12.2024

Права: © Фадеев В. А. (2024).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Вопрос о ценностях относится к фундаментальным основаниям гуманитарного знания, и сегодня он поднимается достаточно часто в самых разных контекстах. Во многом он вызван осознанием необходимости сохранить, поддержать и обеспечить связь сегодняшних и будущих поколений россиян с нашим прошлым, бережно хранящим как болезненные и оттого особенно ценные уроки, так и моменты триумфа, великих свершений и открытий, которые поныне позволяют гражданину России испытывать обоснованную гордость за свое Отечество. Именно для этих целей в рамках государственной политики Российской Федерации реализуется комплекс мер по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые должны обеспечить эффективное противодействие антигуманным по своей сути ценностям установкам, которые транслируются социокультурной системой Запада. Российские ценности, таким образом, должны выполнять роль своего рода противовеса. Это духовные маяки, которые связывают наш многонациональный народ как в пространстве, так и во времени. К таким ценностям юридически сегодня относятся: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России»¹. Этот перечень едва ли является полным и окончательным, — скорее, он фиксирует важное направление дальнейшей работы по экспликации и воспроизводству культурно-смыслового ядра российской цивилизации, требующего понимания ценностных оснований и ответственного отношения к ним.

Заметим особо, что традиционные российские ценности неотъемлемо связаны с судьбой традиционных конфессий России — христианства, ислама, буддизма, иудаизма. Признание этой связи означает, что разговор о ценностях в значительной степени связан с разговором о религиях, которые в своей истории и современности воплощают в наибольшей полноте сакральную сторону жизни человека и общества.

¹ Ст. 5 Указа Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Россия, как и многие другие страны оказывается сегодня перед лицом больших вызовов — «объективно требующих реакции со стороны государства совокупности проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения объема используемых ресурсов»¹. Среди таких сложных и масштабных вызовов все более возрастающая геополитическая нестабильность и трансформация прежнего миропорядка, проблемы экологии и демографии, вопросы продовольственной и энергетической безопасности и пр. Проблемы общие, но способы их решения очевидно различаются и во многом зависят от тех идеологических установок и ценностного фундамента, который позволит консолидировать общество в поиске новых целей развития. Большие вызовы требуют от нас самого пристального внимания к проблематике ценностей как таковой, а вместе с ним — к серьезному пересмотру социального знания, вплоть до его базовых методологических принципов. Когда дело касается ответа на вопросы о фундаментальных основаниях жизни человека и общества, социальные науки обнаруживают свою слабость и как будто стыдливо избегают таких вопросов, сводя исследование ценностей к чисто количественным данным сомнительного происхождения и ценности — пересчету ответов респондентов на разнообразные опросные листы, построенные зачастую на бесцеремонных политических и идеологических спекуляциях. Между тем, масштабное и систематическое обращение социальных наук к качественным исследованиям ценностей может стать основой для подлинного научного прорыва, стоит только отказаться от тех замаскированных под «научную методологию» идеологических установок, которые завели ее в тупик.

Первой такой установкой можно считать идеологию секуляризма (предполагающую антиклерикализм и атеизм, но не исчерпываемую этими установками), которая безальтернативно предлагает нам сводить религию к набору социальных фактов и понимать историческую динамику религии в Новое время как линейный однонаправленный процесс все большего вытеснения религии на периферию общественной жизни. В этом смысле идеология секуляризма приобретает характер «академической ортодок-

сии» и «самоисполняющегося пророчества» [2, с. 87-88], в том числе, благодаря многочисленным количественным исследованиям в социологии, которые, действительно, позволяют зафиксировать, например, сокращение числа посетителей церковных служб или размеров пожертвований. Следует ли из этих цифр с необходимостью какой-то глобальный вывод о религии и ценностях? Скорее, нет. Секуляристские пророчества сбываются в уме исследователей скорее оттого, что их подпитывает богатая интеллектуальная традиция: для Западной Европы, по меньшей мере, с XVIII века становилось правилом хорошего тона предвосхищать скорый и неотвратимый конец религии [14, с. 7-34]. Ее хоронят французские просветители, которые отчего-то убедили себя в том, что религия — это всего лишь набор властных практик, основывающихся на невежестве народных масс. Так, Гольбах в своем сочинении «Система природы» страстно обличает религию, определяя ее как «закон некоторого необходимого существа или же необходимость, преподанная невежественным и малодушным существам» [3, с. 233]. В XIX веке сначала Фейербах, а затем и марксисты предлагают понимать религию как естественную защиту от страха перед природой или угнетенного социально-экономического положения. Энгельс в «Анти-Дюринге», рассуждая о монотеизме, заявляет, что «в этой удобной для использования и ко всему приспособляющейся форме религия может продолжать свое существование как непосредственная, то есть эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, природным и общественным, до тех пор, пока люди фактически находятся под властью этих сил» [13, с. 322]. Фрейд вскрывает «невротическую природу» религиозного опыта и на этом основании предвосхищает вытеснение священника психоаналитиком: «в конечном счете ничто не может противостоять разуму и опыту, а религия слишком явно противоречит им обоим. Очищенные религиозные идеи тоже не избежат этой судьбы, пока они ещё будут стараться сберечь что-то от утешительности религии» [10, с. 63]. Все движется путем, намеченным позитивистским проектом О. Конта, грезившего о секулярной религии, поклоняющейся науке и «Человечеству» как ее цели: «Подобная миссия доставляет реальной науке неизвестные ей доселе величие и прочность, так как она одна только позволяет нам познать природу и состояние подлинного Великого Существа, поклонение которому должно направлять

¹ Пп. 6 п. 4 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145.

все наше существование» [7, с. 151–152]. Пусть эта идея реализовалась не в столь наивной буквальной форме, как виделось О. Конту, возмущавшему грядущее превращение ученых в «жрецов Человечества», правящих миром равно в области политической системы, знания и морали, все же сложно отрицать, что в современном мире наука действительно превратилась в своего рода квази-религиозный институт.

Примечательно, что с высоты века нынешнего такие секуляристские пророчества европейских авторов XVIII–XIX столетия нельзя назвать заведомо ложными. Конечно, в их суждениях о религии есть доля правды — в самом деле, было бы нелепо отрицать и связь религии с политикой, и ее психологические и социальные корни. Ошибка здесь, как учат нас последние десятилетия, в грубом редукционизме, сводящем религию и ее сущность к какому-то одному аспекту жизни человека и общества, и неправомерным обобщениям. Там, где секуляристская установка требует видеть общий упадок религии, в действительности если и можно рассмотреть какой-то линейный процесс, то только дехристианизации Западной Европы, — процесс локальный, а вовсе не глобальный. Его эффекты хорошо видны сегодня в навязываемой Западом повестке, но стоит только выйти за пределы западноевропейской цивилизации, как мы тут же убедимся в неуклюжести секуляристских построений, например, на материале арабо-мусульманского мира или стран Юго-Восточной Азии, где сама идея секуляризма является малопонятной ввиду отсутствия в этих культурах, например, самого различения религиозного и нерелигиозного пространств. Так, еще в 1964 году канадский теолог и исламовед У. К. Смит в своем программном сочинении «Значение и конец религии: новый подход к религиозным традициям человечества» [15] обосновывал тезис о неприменимости западного христианского понятия «религия» к исламским культурам, которые на уровне языковой картины мира не проводят различия между «религиозным» и «светским». Сходной позиции об уникальной целостности ислама придерживается сегодня академик РАН А. В. Смирнов [9, с. 16].

Упомянутому выше Огюсту Конту мы, судя по всему, обязаны второй болезненной установкой: научное знание должно избегать метафизических абстракций и опираться только на проверяемое знание. «Если, вопреки деятельным факторам беспорядка, практическая нравственность реально улучшилась, то этот счастливый результат

не может быть приписан теологическому мышлению, превратившемуся тогда, напротив, в опасную разрушительную силу; мы им обязаны по существу, возрастающему влиянию положительного мышления, сильного уже в своей стихийно возникающей форме, в виде всеобщего здравого смысла, мудрые внушения которого способствовали естественному стремлению нашей прогрессивной цивилизации целесообразно бороться с различными заблуждениями, преимущественно же с заблуждениями, вытекавшими из религиозных шатаний» [6, с. 171–172], — пишет Конт. Сам он, как мы помним, строит проект наук об обществе по аналогии с физикой. По иронии за прошедшие 200 лет физика изменилась до неузнаваемости, а вот социология так и пытается быть похожей на «точную науку» классической эпохи торжества «позитивного» знания. В XX в. физики отказались от наивного механицизма, открытие микромира и принципа неопределенности существенно усложнили наши представления о Вселенной, ее фундаментальной антиномичности и невозможности ее описания простыми формулами. А что же общество и человек? Признание их антиномичности, сложности и несводимости к простым формулам как будто вызывает серьезные затруднения в социальных науках и пока оценивается лишь как интервенции иррационализма на территорию строгого рационально-эмпирического знания, — интервенции практически неизбежные, но методологически осуждаемые и не находящие приемлемой формы и поддержки профессионального сообщества. В этой связи представляется важным восстановить, в том числе, в институциональном плане связь эмпирической социологии с социальной философией. Последняя могла бы служить, по меньшей мере, методологическим ревидором, указывающим на мировоззренческую обусловленность, а местами и откровенную ангажированность социологического исследовательского аппарата.

Социология как таковая стесняется разговоров о религии, предпочитая рассматривать ее как музейный артефакт, по недоразумению представленный в актуальной повседневности. Однако стоит лишь ненадолго отказаться от таких установок, как мы увидим, что религия, вопреки всем прогнозам, не только не вытесняется на периферию общественной жизни, но, напротив, вполне сохраняет свое значимое присутствие в тех обществах, которые не пренебрегают своими традиционными духовными ценностями. Там же, где вытеснение тради-

ционных религий становится частью идеологии и государственной политики, религия все-равно сохраняется, пусть и в превращенных (а в некоторых случаях и вовсе — извращенных) формах, поскольку человек и общество, как и раньше, нуждаются в решении экзистенциальных смысло-жизненных вопросов и утешении. Вспомним, кстати, что в нашем собственном недавнем прошлом также имел место советский эксперимент воинствующего атеизма, который, впрочем, при ближайшем рассмотрении не был ни последовательным, ни, к счастью, эффективным. Религиозное возрождение, начавшееся в СССР во второй половине 1980-х годов, вернуло общественно-политическую роль традиционным конфессиям России. Однако расплатой за советскую антицерковную политику стал также и бурный рост сектанства: множество новодельных религий, в основном — импортных, выстроились в очередь, чтобы утолить духовные потребности россиян, а на деле — разворошить их ценностные установки и влезть в кошелек. Сфера сакрального не может пустовать. Любая попытка ее искусственно разредить приводит только к нарушению связи поколений и механизмов культурной памяти, распаду ценностной сферы жизни общества, в то время как содержательное наполнение этой сферы отходит дельцам и шарлатанам. Достаточно вспомнить как в начале 1990-х годов улицы российских городов были увешаны рекламными листовками печально известного «Белого братства» и «Аум синрикё», а в эфирах телевизионных каналов стали появляться целители и гадалки всех мастей.

Обращение социальных наук к религии, таким образом, выглядит совершенно необходимым для продуктивного разговора о ценностях. С исторической точки зрения именно религия наиболее часто оказывалась средством обоснования ценностей. В современном же обществе ценности могут все так же обнаруживать свои религиозные свойства или даже религиозную природу, поскольку разговор о ценностях требует от нас выйти за пределы повседневных наблюдений и обычного опыта, если только не сводить проблему ценностей к наборам экономических благ.

В 1917 году немецкий теолог Рудольф Отто в своем сочинении «Священное» [8] вводит понятие «нуминозное» для обозначения особого иррационального религиозного опыта, который состоит в переживании совершенной инаковости по сравнению с опытом повседневным. Заметим, что рассуждения немецкого теолога начинаются с

объяснения категории «священное» через апелляцию к ее ценностному ядру: «Осознание и признание чего-либо “священным” является в первую очередь своеобразной оценкой, которая осуществляется так только в религиозной области. Правда, она тут же переходит и в другие области, например, в область этики <...>» [8, с. 11]. Р. Отто предпринимает очередную академическую попытку разорвать эту, на первый взгляд, очевидную и единственную связь идеи «священного» с нравственностью. Он предлагает использовать слово «нуминозное» для более фундаментального и не утилитарного определения религии: «было бы полезно отыскать какое-то особое наименование, которое обозначало бы священное *минус*¹ его нравственный момент и, стоит сразу добавить, минус его рациональный момент вообще» [8, с. 12]. В действительности наш интерес к религии не столько в ее нравственных поучениях (в конце концов, в современных реалиях обосновать необходимость быть приличным человеком в обществе можно не только религиозными аргументами), сколько в этом ее иррациональном, может быть даже мистическом содержании, том особом опыте, который религия привносит в культуру, жизнь общества и человека и который никак не укладывается в узкие рамки эмпирически проверяемого знания.

Концепция Отто в первой половине XX столетия стала одним из ключевых тропов феноменологических исследований религии, которые будут стремиться усмотреть за многообразием конфессиональных вариаций некоторые устойчивые формы религиозного опыта и представлений. Хотя проект феноменологии религии и был, в конечном счете, подвергнут ожесточенной критике за теологическую установку, его популярность в первой половине XX века дает нам пример продуктивной попытки качественного, а не количественного обращения к религии в социальных науках. Вспомним, например, М.Элиаде — румынского религиоведа, феноменолога религии, чьи труды по истории и теории религии остаются поныне признанной классикой. Одно из его классических сочинений — «Священное и мирское» написано буквально по следам Р. Отто с принципиальной авторской оговоркой: «в нашей книге мы избрали другой путь: мы стремились представить феномен священного во всей его сложности, а не только в иррациональном аспекте. Нас интересует не соотношение рациональных и иррацио-

¹ Курсив — Р. Отто.

нальных элементов в религии, а *священное во всей его полноте*¹» [12, с. 17].

Признание существования некоторой (пусть даже воображаемой) реальности особого рода, в действительности, позволяет нам отойти от механицизма в объяснении человека и общества. В обоих случаях за внешними наблюдаемыми проявлениями мы допускаем существование скрытых от непосредственного наблюдения основ и долгосрочных структур. Так, И. Кант выявляет в человеке ноуменальную сторону, которая заключается во внутренней моральной свободе индивида, а, например, П. Сорокин исследует альтруистическую любовь как один из скрытых двигателей социальных процессов. Ценности как раз и относятся к таким сокрытым областям культуры, они формируют опорные структуры коллективной памяти и долгосрочную нормативность. В этом смысле ценности в своем истоке носят сакральный характер.

Дихотомия «сакральное»-«профанное» в социальных науках нацелена на терминологическое обозначение двойственной природы человека и общества. Так, человек как профанное существо погружен в рутину повседневности, зависим от собственной телесности, физической природы, склонен к удовлетворению низших биологических потребностей. Но человек — это и свободное, воодушевленное, нравственно совершенствующееся сакральное существо, способное, например, к героическому самопожертвованию. Такие проявления человеческого духа традиционно исследуются гуманитарными науками, но также заслуживают внимания и со стороны наук социальных. Наиболее известной попыткой ввести в социологию разговор о сакральном является концепция французского социолога Эмиля Дюркгейма. Его фундаментальное сочинение «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии»² 1912 года целиком посвящено попытке построить универсальную объяснительную модель общества через категорию «сакральное». Как отмечают исследователи творчества Дюркгейма, вопреки устоявшимся на тот момент практикам определения сакраль-

ного через его особенные психологические проявления, французский социолог сразу задает ценностные рамки интерпретации: сакральное — это, своего рода, безусловная ценность, то, что обладает свойством необходимости, а оттого превосходит любые индивидуальные проявления и обладает силой коллективного принуждения. Дюркгейм обращает внимание на принципиальную несводимость (и, соответственно, невыводимость) сакрального и профанного друг к другу: «сакральное и профанное всегда и везде рассматриваются человеческим разумом как два различных рода, как два мира, между которыми нет ничего общего» [4, с. 106-107]. Заложенная Дюркгеймом традиция социологического реализма заставляет нас посмотреть на общество как на самостоятельную реальность, своего рода, «коллективную душу», субстанцию социального, которая не только не сводима к индивидуальным душам и волям, но выступает для них более общим упорядочивающим началом. Разработки Э. Дюркгейма нашли свое развитие в трудах Т. Парсонса и его социологической школы, в работах Р. Беллы и Дж. Александера, однако, кажется, еще не нашли своего адекватного воплощения в отечественных социальных исследованиях.

Отмеченная линия дюркгеймианских исследований — не панацея и не самоцель. Она лишь конструктивный пример важности и результативности обращения социальных наук к проблеме сакрального. Предвосхищая возможную критику, заметим, что такая переориентация социальных исследований не предполагает ни клерикализации науки, ни смешения науки и религии, ни тем более вытеснения религией науки³. Речь, прежде всего, о ревизии пагубных установок социальных наук и необходимости балансировки: качественные исследования ценности, укорененных в сакральных областях коллективной жизни, должны иметь столь же широкую представленность в актуальных исследованиях, что и традиционные количественные исследования. Современная ситуация требует от нас внимательного отношения к «другим», инаковость и близость которых не могут быть сведены к чисто количественным, плоским различиям, — так, как на этот вопрос смотрят, например, иде-

¹ Курсив — М. Элиаде.

² Кстати, обратим внимание, что в России долгое время не существовало полного перевода этого сочинения на русский язык, отчего концепцию Дюркгейма зачастую воспринималась и воспроизводилась в усеченном объеме. По счастью, в 2018 году опубликован не один, а сразу два русских перевода этого фундаментального текста (издательство «Элементарные формы» и ИД «Дело» РАНХиГС).

³ Вспомним, какую оголтелую критику, в особенности, от представителей естественно-научных дисциплин, вызвало, в сущности, довольно безобидное наблюдение первого в России кандидата теологических наук протоиерея Павла Хондзинского о методологическом значении личного духовного опыта исследователя в его диссертации, защищенной в 2017 году.

ологи Всемирного исследования ценностей и авторы учебников по «демократизации» Р. Инглхарт и К. Вельцль.¹

В конце концов, уважительное принятие религиозных точек зрения на устройство человека и общества представляют собой важный способ обеспечения и укрепления социальной солидарности. Как замечает немецкий философ Ю. Хабермас, «тенденция к распространению натуралистических картин мира, с другой стороны, наталкивается на неожиданную ревитализацию, а также на происходящую во всем мире политизацию религиозных сообществ и верований» [11, с. 7]. В этом смысле рассмотрение религии как музейного артефакта или странного и вредного атавизма не соответствует ни реальной роли религиозных сообществ, ни актуальной востребованности религиозных объяснений и комментариев там, где обычные люди сталкиваются со спорными и сложными для себя ситуациями субъективного выбора. А эти ситуации выбора, как правило, имеют непосредственное отношение к проблеме ценностей.

Из сказанного предлагаем сделать вывод о том, что в нынешних обстоятельствах перед лицом беспрецедентных больших вызов отечественным социальным исследователям надлежит обратить самое пристальное внимание на неэмпирические области общественной жизни: страхнуть пелену очевидно ошибочных и контрпродуктивных установок, перестать довольствоваться суждениями по верхам и наконец набраться смелости нырнуть в глубину. Именно там, на глубине продуктивно работали Э. Дюркгейм и М. Элиаде и еще целый ряд исследователей, обращавших внимание на экстраординарное значение сакральных и священных областей для понимания и прогнозирования жизни общества и индивида. Именно там, в неэмпирических глубинах социального укореняются ценности и смыслы, ко-

торые подпитывают коллективную память и позволяют нам чувствовать общность и сродство, несмотря на обстоятельства времени и места. Опорой для такого изменения фокусировки может стать отечественная социально-философская традиция, представленная С. Л. Франком, Н.А. Бердяевым и С. Н. Булгаковым. Последний недвусмысленно обозначал опасность выхолащивания знания путем изгнания из него сакрального: «можно прямо сказать, что только религия обосновывает политику и социальное мировоззрение, питает ее подземные и надземные корни. Эта истина чрезвычайно затемнена в современном сознании господствующим лженаучным мировоззрением, которое хочет мир идеалов целиком растворить в объективном причинном ходе событий, чуждом всего высокого и низкого, добра и зла, знающем только железную механическую необходимость» [1, с.86]. И хотя в начале XX в. сходные по своему послылу предостережения С. Н. Булгакова, М. Вебера, С. Л. Франка и многих других не были услышаны, нам стоит вновь обратиться к ним и задуматься, не является ли возникший в результате нежелания их слышать расколотый мир, отказывающийся в существовании тому, что лежит по ту сторону экспериментов и измерений, эпистемологической ошибкой?..

1. Булгаков, С. Н. ДВА ГРАДА. Исследование о природе общественных идеалов / С. Н. Булгаков. — СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. — 589 с.

2. Ван Дер Звееерде, Э. Осмысливая «секулярность» / Э. Ван Дер Звееерде // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2012. — Т. 30, № 2. — С. 69–113. — EDN PINQFN.

3. Гольбах, П. А. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 1 / П. А. Гольбах ; под общ. ред. и со вступит. статьей Х. Н. Момджяна. — М. : Соцгиз, 1963. — 715 с.

4. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемистическая система в Австралии. / Э. Дюркгейм ; пер. с франц. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. — М. : Элементарные формы, 2018. — 808 с.

5. Инглхарт, Р. Демократизация / Р. Инглхарт, К. Вельцль, К. Харпфер, П. Бернхаген. — М. : НИУ ВШЭ, 2015. — 812 с.

6. Конт, О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / О. Конт. — Ростов н/Д. : Феникс, 2003. — 256 с.

7. Конт, О. Общий обзор позитивизма / О. Конт. — М. : ЛИБРОКОМ, 2012. — 296 с.

8. Отто, Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. — СПб : Изд-во СПбГУ, 2008. — 272 с.

9. Смирнов, А. В. Ислам воображаемый / А. В. Смирнов // Интегративная перспектива в гу-

¹ Уникальное в своем роде учебное пособие по демократизации (так и названное авторами) весьма ярко демонстрирует, как легко понятое в духе позитивистской эмпирической социологии (грубо говоря, как форма общественного мнения) ценности превращаются в политический инструмент, средство организации «цветных революций». Авторское изложение откровенно и бесхитростно: «По мере того как все большее число стран станут экономически развитыми, будет распространяться и демократия. По мере распространения современных западных ценностей будет распространяться и демократия. США и их западные союзники могут оказать активную поддержку этим процессам посредством программ помощи развитию и распространения своих демократических ценностей» [5, с. 224].

манитарных науках. — 2017. — № 1. — С. 14–18. — EDN ZEGLN.

10. Фрейд, З. Психоанализ. Религия. Культура / З. Фрейд. — М.: Ренессанс, 1992. — 296 с.

11. Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Ю. Хабермас — М.: Весь мир, 2011. — 336 с.

12. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 144 с.

13. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1988. — 482 с.

14. Copson, A. Secularism, politics, religion, and freedom / A. Copson. — Oxford University Press, 2017. — 153 p.

15. Smith, W. K. The meaning and end of religion; a new approach to the religious traditions of mankind / W. K. Smith — N. Y.: The Macmillan Company, 1964. — 340 p.

References

1. Bulgakov, S.N. (1997) The two cities. Study on the nature of social ideals. Saint Petersburg, RChGI, 589 p. [in Rus].

2. Van Der Zverde, E. (2012) Understanding the secular. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 2 (30), pp. 69-113 [in Rus].

3. D'Holbach, P.A. (1963) Selected works in two volumes. T. 1. Moscow, Socjkgiz, 715 p. [in Rus].

4. Durkheim, E. (2018) The Elementary Forms of the Religious Life. Moscow, Jelementarnye formy, 808 p. [in Rus].

5. Inglehart, R., Welzel, C., Haerpfer, K., Bernhagen, P. (2015) Democratization. Moscow, NIU VShje, 812 p. [in Rus].

6. Conte, A. (2003) The spirit of positive philosophy. Rostov-on-Don, Feniks, 256 p. [in Rus].

7. Conte, A. (2012) Overview of positivism. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM», 296 p. [in Rus].

8. Otto, R. (2008) The Idea of the Holy. An Inquiry into the Non-Rational Factor in the Idea of the Divine and Its Relation to the Rational, Saint Petersburg, Publ. SPBGU, 272 p. [in Rus].

9. Smirnov, A.V. (2017) Islam imaginary. *Integrativnaja perspektiva v gumanitarnyh naukah*, no. 1, pp. 14-18 [in Rus].

10. Freud, Z. (1992) Psychoanalysis. Religion. Culture. Moscow, Renessans, 296 p. [in Rus].

11. Habermas, J. (2011) Between naturalism and religion. Moscow, Ves' mir, 336 p. [in Rus].

12. Eliade, M. (1994) The Sacred and the Profane. Moscow, Publ. MGU, 144 p. [in Rus].

13. Engels, F. (1988) Anti-Dühring. Moscow, Politizdat, 482 p. [in Rus].

14. Copson, A. (2017) Secularism, politics, religion, and freedom. Oxford University Press, 153 p. [in Eng].

14. Smith, W.K. (1964) The meaning and end of religion; a new approach to the religious traditions of mankind. NY., The Macmillan Company, 340 p. [in Eng].

15. Smith, W. K. (1964) The meaning and end of religion; a new approach to the religious traditions of mankind. NY., The Macmillan Company, 340 p. [in Eng].

For citing: Fadeev, V. A. (2024)

The sacred dimension of value /

Sotsium i vlast/Society and Power,

no. 4 (102), pp. 10-16.

<https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-10-16>.

<https://elibrary.ru/ovqbmh>.

UDC 303.4

EDN OVQBMH

DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-10-16

THE SACRED DIMENSION OF VALUE: TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM

Valery A. Fadeev,

Institute of Heritage and Modern Society of the Russian State University for the Humanities, Scientific Director.

Moscow, Russia.

ORCID: 0009-0000-8927-1883

E-mail: iniso@rggu.ru

Abstract

The article is devoted to substantiating the thesis on the necessity to return the social sciences to the study of the sacred. The article emphasizes the special significance of value issues for contemporary Russia: the socio-political appeal to traditional values requires adequate academic support. The author analyses the pernicious attitudes of social research that make it difficult for sociology to address value and religious issues: secularist and positivist discourse. The fundamental studies of R. Otto and E. Durkheim provide constructive examples of studying the sacred in the social sciences. The paper proposes equilibrium between qualitative and quantitative research on religion.

Keywords:

sacred, values, religion, secularism, social Sciences

Received: 18.10.2024

Accepted: 05.12.2024

Date of publication: 30.12.2024

Copyright: © Fadeev V. A. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEP.

Open access under CC BY-NC License 4.0.